

ГРИГОРИЙ ПОМЕРАНЦ

ПАРАДОКС БУХМАНА И ДИАЛОГ КУЛЬТУР

Лекция в Ко 15 августа 2008 года

В обширном наследии Бухмана меня больше всего захватила мысль: «Один человек и Бог – это уже большинство». Парадоксальная структура этой мысли удивляет, поражает, заставляет задуматься. Для самого Бухмана, по видимому, толчком было озарение, вызвавшее нравственный поворот и волю приблизиться к Христу. Из всей жизни Бухмана ясно, что один человек, вступивший в союз с Богом, это человек, готовый к преображению. Без такой готовности нельзя услышать волю Бога, дать свободу Бога в себе и пойти по Божьему следу.

Парадокс Бухмана – не уравнение, где единица плюс бесконечность ($1+\infty$) равняется чему-то большему. Второй член этого уравнения, бесконечность, не прилагается к первому как «Y» к «X». Бог раскрывается изнутри, как «царствие Божье внутри нас», и управляет изнутри, дает силу изнутри, дает мудрость почувствовать, что назрел поворот, после которого один человек ведет за собой многих. Тут возникает внешняя аналогия с решимостью Цезаря или Ленина захватить власть. Дух, ведущий к власти, очень далек от порыва преобразиться, стать Новым Адамом. Чаще всего цели героев остаются в рамках мыслей и чувств Ветхого Адама. «Один человек» Бухмана не похож на них. Он стремится преодолеть в себе Ветхого Адама. Он должен оборвать все связи с миром суеты, стать одиноким, как говорит об этом Мертон в «Философии одиночества». Он должен стать чистым листом, на котором пишет Бог. Он должен открыть ворота царствия внутри нас, впустить в себя Бога, освободить в себе Бога.

Однажды к хасидскому мудрецу пришла группа верующих со своими вопросами. Но мудрец опередил их встречным вопросом: «Где Бог?» Пришедшие стали повторять то, что прочли в книге: «Бог вездесущ...» и т.п. «Нет», – сказал мудрец, – «Бог там, куда его впускают». Он думал о свободе воли человека избрать ад или рай, впустить в себя суету мира или голос из великой тишины. Я приведу несколько строк из стихотворения Зинаиды Миркиной.

*Ежесекундно возле Бога,
Не отрываясь ни на миг!
С сознаньем всем, душою всего
Быть вечно здесь, не где-то там...
Нет, предпочел пахать и сеять
И с Божьих глаз ушел Адам.*

Человек часто уходит от созерцания, от тишины, в которой слышен глубинный шепот. Ему скучно в раю. Его тянут к себе страсти. А потом оставляют опустошенным. Это черное одиночество. А есть светлое одиночество, святое одиночество, как назвал его Рильке. Это одиночество, открытое глубине, одиночество, свободное от партийных и национальных страстей, одиночество Нового Адама, открытое одиночеству Бога. Это одиночество узнает миг, когда следовать закону, а когда нарушать субботу.

Известный в России богослов и проповедник митрополит Антоний Сурожский хорошо описал иерархию законов и тайной Божьей воли. Выступая на конференции в Париже, он говорил: «Сколько бы ни были истинны, прекрасны, справедливы наши принципы, они не соответствуют божественной динамике, внезапной динамике небывалого, непостижимого, в чем именно характерно действие Божье... Мы должны уйти глубже

принципов, и сама эта глубина позволит нам взглядеться долго, спокойно, пламенно чисто в канву истории, канву жизни – и благодаря такому созерцанию, глубокому взглядыванию, различить в ней след Божий, нить Ариадны, золотую нить, красную нить, которая укажет, куда Бог ведет нас среди окружающей нас сложной целостности жизни... Мудрость состоит в том, чтобы погрузить свой взор в Бога, погрузить свой взор в жизнь в поисках того, что я только что назвал следом Божьим, и действовать безумно, нелогично, против всякого человеческого разума, как нас учит поступать Бог».

Взгляды Антония иногда называли мистическим анархизмом. Вспомним, однако, пример апостола Павла, его слова о превосходстве живого духа над мёртвой буквой, над убивающей буквой. Есть какой то момент, когда любой принцип становится ложным. Католический мыслитель Фома Аквинский подходил к этому, говоря о переходе добродетели в порок: «Преувеличенная бережливость становится скупостью, преувеличенная осторожность – скупостью». Как это получается?

Представим себе венок культуры, сплетенный из многих идей, принципов, законов. Они истинны, пока ограничивают друг друга. Но если одна ветвь начнет расти без всякой меры, развитие становится злокачественным, подобным раковой опухоли. Нарушается равновесие, венку грозит развал.

Или представим себе просто круг целостной истины, превосходящей все слова, а слова, принципы – касательными к кругу. Они истинны, пока не очень удалились от круга. Уходя по прямой линии в дурную бесконечность, они могут прийти до абсурда.

Антоний Сурожский умел это показывать на простых примерах. Однажды к нему подошёл один молодой человек и сказал: «Владыка, Вы плохой

христианин». «Да, — ответил Антоний, — я плохой христианин. Но почему?» «Потому что Вы не признаёте абсолютной важности слов: «Не противься злему». «Хорошо, — сказал Антоний. — Допустим, Вы пошли гулять с невестой. Вас встретил хулиган, оттолкнул Вас и стал валить невесту. Ваши действия». «Я встал бы на колени и молился бы, чтобы он отказался от дурного намерения». «А он продолжал бы своё намерение». «Тогда бы я стал молиться, чтобы его дурное намерение не имело бы дурных последствий». «На месте Вашей невесты, — сказал Антоний, — я поискал бы другого жениха».

Так обстоит дело с заповедью «не противиться злему»; но так же и с призывом к абсолютной правдивости.

Другой пример из жизни в сталинское время. Даниил Андреев, великий религиозный мыслитель и поэт, читал вслух друзьям роман «Странники ночи». Один из друзей оказался предателем и донёс. Арестовали всех, кого запомнил доносчик. На следствии жена Андреева, Алла Александровна, вспомнила и назвала следователю ещё несколько фамилий. Всех посадили на 10 лет. Когда Сталин умер, осужденных выпустили. Аллу Александровну просили объяснить своё поведение. Она отвечала: «Я христианка и лгать не могу».

Бог, которому мы дали свободу действия в нашей душе, знает, когда нарушать правила, записанные в книгах пророков, и когда следовать книге. Мы можем годами идти по торной дороге. Но в иных случаях необходимо нарушать заповеди, как их нарушал Иисус Христос. Иногда необходимо нарушить субботу.

Нравственная правда иногда даётся скорее поэту, художнику, чем моралисту. У поэтессы Марии Петровых есть об этом прекрасные строки:

Ты думаешь, правда проста?

Попробуй, скажи.

И сразу немеют уста,

Тоскуя по лжи.

И дальше ещё две строки:

Попробуй хоть раз, не солгав,

Сказать о любви.

Глубочайшие человеческие чувства не вмещаются в человеческие слова. Глубочайшие религиозные истины не вмещаются в точные слова. Когда Пилат спросил, что есть истина, Христос молчал. Когда к Христу привели грешницу, он всем своим поведением показал фарисеям, что Бог – это не слово, записанное в книгу, не слово, действующее извне силой авторитета, а Святой Дух, веющий всюду и действующий изнутри сердца; если нужно вопреки всем словам, записанным во всех книгах.

Теперь подумаем, что же это за большинство, которое Бог даёт. Добился ли Будда большинства? Добился ли Христос? На первый взгляд – да. Целые страны стали буддистскими, христианскими. Но Антоний верно сказал: христианских народов нет. Есть только отдельные христиане.

Распространяясь вширь, святое учение сохраняет видимость святости, но теряет глубину, оно теряет жизненность и становится мёртвой буквой, мёртвым образом. За возрождение духа святого учения надо бороться.

И беда не только в преследованиях, сколько в милостях властителей.

Широкое распространение христианства не становится торжеством Христа в грубых и лживых сердцах.

Христос не создавал новую религию. Он создавал свободу отступать от книги, когда книга, отрываясь от жизни, начинает лгать. Но эта свобода оказалась не по плечу народам. Народы колебались от формального выполнения правил вопреки сердцу, до пренебрежения всеми правилами. Распространяясь, сплетаясь с подобными нравами, дух христианства обрастает языческой плотью. То же было с буддизмом.

Из сочетания духовных озарений и исторической плоти сложилась нынешняя система культурных миров. Они как-то связаны и отделены друг от друга пространством, как Индия и Китай, или враждой, как христианство и ислам. Враждебными были и отношения внутри христианского мира, внутри мира ислама. В средиземноморском мире культуры не раз сталкивались, разрушались, возрождались и в ходе истории оторвались от архаического мышления с его простой цельностью. Здесь философия впервые отделилась от мифологии, от религии. Здесь первенство в философии, в пластических искусствах и в литературе досталась грекам; римлянам – первенство в администрации и праве, евреям – в религиозном обновлении. Здесь возник резкий выбор между многобожием и единобожием. Подавляющее большинство склонялось к многобожию, к разделу неба на части. И вопреки всем, развивалось еврейское единобожие. Возможно, этот процесс подталкивал египетский плен, вавилонский плен, отсутствие собственной земли, жизнь среди чужих людей с чужими богами. В противовес им вырастал культ незримого Бога, не связанного ни с какой землёй, этически чистого и сурово требовательного.

Прошла тысяча лет пока христианство, выросшее среди евреев, понадобилось правителям империй. Попытка Эхнатона в Египте и Пантеон в Риме – не смогли создать духовного единства, и в конце концов христианство было поневоле признано Римом и приспособлено к имперским нуждам. Из Ветхого и Нового Завета сложилась новая книга. А в VII веке

историческая обстановка позволила выдвинуться еще одному пророку, и появилась третья святая книга – Коран, созвучная средиземноморскому Востоку. С тех пор средиземноморский мир стал единым по вере единого Бога, и разорванным – на три святые книги. Каждая из них требовала безусловного подчинения, и во имя святых книг начались далеко не святые войны.

Монотеизм, по словам Макса Вебера, расколдовал мир, освободил сознание от многих суеверий, проложил дорогу к трезвому использованию природы как человеческой собственности; но все это имело и губительные последствия, постепенно выплывавшие наружу. Одним из первых была нетерпимость.

Терпимость установилась в Европе, только очень поздно, после тридцатилетней войны, опустошившей Германию. Это было уже в Новое время, когда философия восстановила свою независимость, и она осудила религиозный фанатизм. Таким образом, терпимость родилась вне религии и отодвинула религию на второе место. Этот процесс постепенно ослабевал веру, и современная Европа стала постхристианской.

Ничего подобного не было в Индии, да и в Китае. Там не было разных слов для религии и философии. Неразделимость религии и философии придавали развитию религиозных идей философский характер. Уже в гимнах вед, на рубеже II и III тысячелетия до р. х., появилась строка: «одну и ту же птицу мудрецы называют разными именами». Различие богов сводится к различию имен единой божественной силы.

Образ «единой птицы» тоже постепенно расплывался. В утонченных формах религиозного сознания у брахманов (не делившихся своими идеями с

народом) образы богов не столько очищались, сколько просто отодвигались в сторону. В некоторых религиозно-философских системах боги, подобные греческим и римским, помещались в мир иллюзии, вместе со всем чувственно воспринимаемым миром. Человек, постигший истину, ставший дживанмукой, освобожденным при жизни, ставился выше богов. В средневековом монотеистическом мире, христианском или мусульманском, за это бы казнили. Но в Индии достаточно было бы сослаться на веды, а в толковании вед царил полная свобода. Однако Рама, герой индийского эпоса, убил Шудру, человека низшей касты, читавшего веды. Широта веды была только для брахманов.

Некоторые брахманы почитали Ишвару, творца, создавшего мир. Но существовало так же течение ниришвара, признававшее только две реальности: Атман и Брахман.

Что такое Брахман? Это яснее всего сказано в словах индийского святого XIX века Рамакришны: «Океан Брахмана под влиянием порыва веры, принимает облик того Бога, который родился в душе верующего». Брахман – мистический океан. Развивая образ этого океана, можно понять и Атман, как залив океана, личные ворота в бесконечное и вечное.

В философии древних упанишад, высшая точка мистического опыта не вмещается ни в какие слова. В древнейшей упанишаде мудрец отвечает на все попытки определить Атман словами: «Не это! Не то!»

В другой древней упанишаде отец поучает сына, что такое выход в вечность, в бессмертие, и каждое поучение кончает словами: «Ты – это То!»

Буддизм возник в духовном поле упанишад и легко выводится из них, но веды и упанишады читались только брахманами, а Будда – воин, а не жрец, –

открыл путь в вечность и бессмертие всем. Это вызвало спор, длившийся полторы тысячи лет.

Буддизм был равнодушен к кастовым различиям, он обращался к личности, как христианство было безразлично к вопросу, сохранится ли еврейский народ со всеми его традициями, или ассимилируется в христианстве. И буддизм был извергнут из индийской культуры, породившей его, как христианство из еврейских общин.

Процесс этот шел мучительно. Некоторые индуисты и буддисты сжигали себя в доказательство глубины своей веры, но они не сжигали и не вешали других, как не так давно был повешен в Судане Махмуд Таха за самостоятельное мнение о Коране. Терпимость была встроена в основах индийских религий и религий Китая. Она не пришла из философии и науки, как в Европе, и не расшатывала религию. И в современной Индии, как и на Дальнем Востоке, нет кризиса веры.

В Индии, как и на Дальнем Востоке, нет разных слов для философии и религии, они сливаются друг с другом. Учение может быть грубо материалистическим или мистическим, рациональным или парадоксальным. Все тексты бережно хранятся. Конфуцианцы заботливо переписывали книгу 2 века до н. э., где идеи Конфуция назывались червями, пожирающими государство. Буддийские проповедники, переплыв в Японию, сочли нужным преподавать здесь конфуцианскую этику, полезную для молодого японского государства; хотя спор конфуцианства с буддизмом никогда не прекращался.

Какой смысл имеет слово большинство, о котором говорит Бухман, в мире, где группы культур отличаются друг от друга, как разные планеты? Мы привыкли к тому, что европейская планета развивалась, как диалог наций, из которых то одна, то другая лидировала. Но сейчас сдвинулись целые

культурные миры, и они пошли иначе, чем мы ждали. И глобальная цивилизация не становится большой Европой или большой Америкой. Приходится думать, как выстроить диалог культурных кругов, диалог планет без объединяющего начала в общем наследии Средиземноморья.

Лидерство явно ускользает от Европы, ускользает от Америки, и видимо уступило место диалогу, в котором на равных участвуют культурные миры в Азии.

Я выношу за скобки проблемы России, выношу за скобки своеобразную культуру Тибета. Я хочу прежде понять как целое всю систему культур, в которую входит и монотеистический мир, и мир Индии и Китая. Мне кажется, что эта глобальная система возникла не без высшей воли. Ибо человечество как целое еще не сотворено. Оно творится. И сегодня «большинство» не принадлежит ни христианству, ни исламу, ни Индии, ни Дальнему Востоку. Большинство принадлежит духу диалога, витающему над различием реплик.

Замечательным событием в этом диалоге была конференция семинар о христианской медитации имени Джона Мейна в Лондоне, в 1994 году. Руководство конференцией было предложено Далай Ламе. Он выбрал для анализа восемь фрагментов Евангелия и разбирал их, сравнивая с традициями ламаизма. Иногда он сам задавал вопросы, и его сопредседатель, бенедиктинец, ему отвечал. Они быстро находили общий язык.

Каждый день конференции начинался с медитации. Далай Лама зажигал свечу, остальные зажигали свои свечи, и пол часа проходило в безмолвии. Некоторые участники говорили, что именно в эти пол часа они глубже чувствовали дух единства, не помраченный различием слов.

Материалы конференции были изданы в 1997 году со словарями буддийских терминов для христиан и христианских – для буддистов. Мне особенно запомнилось определение вечности: «неутомительная длительность, и выход за рамки всякой двойственности, в том числе двойственности начала и конца». Если вдуматься в эти слова, возникает чувство глубокой гармонии.

Мне запомнилось также выступление Далай Ламы в Осло. Он говорил там о своём паломничестве в святую землю христиан, после которого последовало паломничество христиан в Индию, к священному для буддистов дереву Бодхи. Это один из возможных путей диалога, но конечно, не единственный. Широкие круги захватывают скорее диалог искусств, – живописи, поэзии, музыки. Хочется вспомнить, что в 1946 году, когда немецкая делегация, приглашенная Бухманом, чуть не была изгнана из Ко, Иегуди Менухин приехал в Германию с циклом концертов. Он всю жизнь думал о роли искусства в сближении народов, и, незадолго до своей смерти, приезжал в Москву обсудить эту возможность на встрече, длившейся несколько часов.

Я изучал проблемы диалога с исламом, и согласен с господином Махнупом, что трудности здесь не вечны. Фанатизм – временное состояние культуры, а не её постоянное свойство. Мавританская Испания в правлении Омейядов, до вторжения с юга и севера, была самым терпимым государством в Европе. Мусульмане, иудеи, христиане мирно сотрудничали в создании цветущей культуры. Я думаю, что это возможно и в будущем. Дух диалога – дух Божий, и если человечество не погибнет, он завоюет большинство.

Вспоминая слова, сказанные ливанским поэтом Халилем Джебраном о Христе, я могу сказать: «Один человек вместе с Богом, даже побежденный, знает, что он победитель».